

Репрезентативная культура¹

Фридрих Тенбрук

В статье рассматривается проблема социологического понимания культуры и концепция репрезентативной культуры немецкого культурсоциолога Фридриха Тенбрука. Обращается внимание на концептуальную неразработанность понятия «культура» в социологии по сравнению с понятием «структура» («общество») — центральным понятием структурного функционализма. Обращаясь к интеллектуальной истории, Тенбрук прослеживает траекторию понятий, определяя различные функции в социальном словаре XIX–XX веков. Фиксируются представления о культуре, разработанные в подходах М. Вебера и Т. Парсонса. Демонстрируется редуцированное использование понятия культура в парсонсианской социологии (как универсальной нормативной сферы). Обосновывается роль репрезентативной культуры в обеспечении структурированности и инновационности (открытости) актуальных социокультурных процессов, что достигается благодаря относительной автономии (содержаний) культуры.

Ключевые слова: М. Вебер, Т. Парсонс, интеллектуалы, интерпретация, структура, репрезентативная культура, ценности, плюрализм

Мы можем исходить из того, что понятие социальной структуры является общеизвестным, так как социология уже давно использует, разъясняет и популяризирует его. При этом дело не столько в самом слове, сколько в допущении, что любое общество определяется своим социальным членением, которое объективно дано во внешних отношениях. В этом смысле социология и на Востоке, и на Западе, несмотря на остальные противоречия, занималась именно структурой, практически отождествляя ее с обществом, в результате чего изучение собственно культуры казалось просто избыточным.

Вопрос о соотношении структуры и культуры проблематизирует это базовое допущение. В нем отражается новая ситуация для дисциплины, которая разными путями пытается выйти за рамки привычного структурного анализа и в этих поисках социальной действительности постоянно натывается на давно забытую культуру, что и выражается в интересе к повседневной культуре.

1. Пер. с нем. А. В. Комаровского под ред. О. В. Кильдюшова. Источник: *Tenbruck F. (1996). Repräsentativ Kultur // Tenbruck F. Perspektiven der Kultursoziologie: gesammelte Aufsätze. Opladen: Westdeutscher Verlag. S. 99–124.* Статья представляет собой переработанную версию англоязычного доклада, сделанного на «Европейской конференции по теории», прошедшей в Бремене в 1987 году в рамках темы «Социальная структура и культура». Впервые опубликована в сборнике: *Sozialstruktur und Kultur. (1990) / Hrsg. H. Haferkamp. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 20–53.* Перепечатка осуществлена с разрешения издательства Suhrkamp.

© Springer Science+Business Media B.V., 2013 © Камаровский А. В., 2013 © Кильдюшов О. В., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

Но чтобы выявить общественное значение культуры, таких «открытий» недостаточно. Дискуссия в целом проходит в неравных условиях, поскольку «структура» является очерченным и интернационально употребимым профессиональным термином, тогда как «культура» если и используется внутри дисциплины, то в самых разных значениях и весьма расплывчато. Это часто приводит к ошибочному выводу, что структура является объективной данностью, а культура, напротив, произвольным субъективным представлением. Но различие между ними заключается прежде всего в разной степени понятийной проработанности. Ведь «структура» очень долгое время оставалась совершенно диффузным понятием, которое постепенно, со временем, приобрело свои очертания благодаря тому, что оно развивалось посредством других понятий — таких как институт, статус, роль, класс и т. д. И если понятие культуры выглядит сегодня нечетким и размытым, то это в первую очередь свидетельствует лишь о том, что оно не получило аналогичной проработки. Поэтому здесь у социологии, полностью опирающейся на «структуру», не хватает надежных понятий. Ведь подобные понятия возникают лишь в результате постоянной работы над предметом и не могут подменяться скороспелыми дефинициями там, где таковой просто отсутствует.

В сегодняшнем словоупотреблении понятие культуры многозначно, почти произвольно и, кроме того, изменчиво. Именно поэтому необходимо зафиксировать его в том специфическом значении, которым оно обладает применительно к социологии. Сначала я с помощью небольшого экскурса в историю понятий и историю науки напомню о том, что вообще известно о культуре. Мы зафиксируем, что якобы произвольные значения этого понятия согласно внутренней архитектонике вытекают из базового обстоятельства, которое применительно к социологии приводит к понятию репрезентативной культуры. Ведь именно таким и был исходный смысл выражения, от которого социальные науки не могут отказаться даже сегодня.

1. Культура и общество: к истории понятия

Являясь частью классического наследия, римские термины *cultura* и *societas* без значительных изменений пережили почти 2000 лет благодаря латыни — единому образовательному языку Европы. Однако около 1800 года эти термины неожиданно приобрели совершенно иные важные значения, с которыми они и вошли во многие европейские национальные языки. С тех пор они повсюду относятся к ключевым понятиям, без которых совершенно невозможно обойтись в общественной коммуникации, в частном разговоре или в науке.

Стремительное возвышение этих старых слов до уровня новых ключевых понятий с всеобщим употреблением — это не обыденный процесс в истории языка. Скорее, оно маркирует важнейший процесс в истории современного общества².

2. Для большинства европейских языков внезапное появление и последующая судьба этих концептов хорошо задокументированы. Множество материалов было использовано для исследований в

Стремительное распространение этих терминов в национальных языках демонстрирует, что старые представления о человеке, обществе и истории вышли из обращения. В этом смысле понятия «культура» и «общество» означали радикально новую переориентацию, которая, скорее, указывала на проблемы, нежели на решения. Мы не можем останавливаться здесь на многоплановых моментах, которые пытались выразить посредством новых ключевых слов, поэтому ограничимся самым необходимым. Во-первых, новые понятия стали ответом на фактические изменения в социальных отношениях, а не просто их отражением. К слабостям социологии структуры относится ее склонность выводить общественные изменения напрямую из объективных структурных изменений, влияние которых на самом деле зависит от того, когда и как они будут восприняты. Напротив, общественные сдвиги происходят лишь тогда, когда люди по тем или иным причинам начинают видеть свое объективно не изменившееся положение в новом свете. Эти субъективные определения ситуации переводят в действия существующее положение, выявляемое наблюдателем.

При восприятии своей собственной ситуации акторы зависят от социального словаря, который они, как правило, и обнаруживают в своем обществе. Этот «словарь» состоит из ряда взаимосвязанных понятий, идей и образов, позволяющих акторам упорядочивать и классифицировать множество своих социальных восприятий через общие категории и направлять свое поведение соответствующим образом. В центре данного словаря находятся несколько ключевых понятий, выражающих общее самопонимание общества и связанных с основополагающими представлениями о действительности — с картинами мира. Если фактические отношения радикально изменяются, традиционный социальный словарь уже не может их охватить и выходит из употребления. С другой стороны, новый социальный словарь — т. е. новые представления об обществе — может изменить сами отношения, так как по-новому определяет ситуацию. В этом смысле ключевые понятия социального словаря сами всегда являются конститутивными элементами общества.

Этим объясняется то, какое фундаментальное общественное значение имело неожиданное возвышение «культуры» и «общества» до уровня ключевых понятий современного общества³. Их проникновение в национальные языки отражает тот факт, что социальные отношения породили новое образование, новый тип общества. «Культура» и «общество» вытеснили старый словарь, так как зафиксировали два важнейших изменения, которые ощущали на себе люди. Во-первых, это автономное и динамическое превращение культуры в самостоятельную сферу и, во-вторых, формирование общества на основе добровольного объединения.

рамках истории идей, тогда как в социальных науках, сконцентрированных на изучении социального положения, не было проявлено никакого интереса к ключевым понятиям современного социального вокабуляра. Работа Раймонда Уильямса «Культура и общество» является редким исключением (Williams, 1962).

3. Обстоятельный анализ социального значения этих двух ключевых понятий читатель найдет в моей книге: Tenbruck, 1989, особенно во введении и главе 4.

Одновременно и неизбежно в этих понятиях отразились новые субъективные установки, ожидания и ориентации. Новые понятия создали новый тип социального словаря, который до того поддерживал существующий нормативный порядок и был связан с сущностными религиозными или иными представлениями. В отличие от них, «культура» и «общество» обозначали открытые ситуации, на конститутивные силы и процессы которых они могли лишь намекнуть. Понятия, без которых теперь нельзя было обойтись, поставили будущее в зависимость от непредсказуемого развития культуры и общества и потому остро нуждались в социальном и интеллектуальном прояснении. Они стали поводом для возникновения новых важных форм знания, а именно наук о культуре и социальных наук, от которых ожидали объяснения новых феноменов, уже не поддававшихся описанию с помощью нормативных представлений.

В дальнейшей истории этих ключевых понятий возникают национальные варианты. Некоторые страны, как Франция, вместо «культуры» выбрали «цивилизацию», хотя долгое время они считались равнозначными. Фактически сами понятия «культура» и «общество» повсюду долго использовались почти случайно и синонимически, пока не разошлись между собой как два разных аспекта действительности. При этом они оказались втянутыми в политический конфликт, дав повод к возникновению характерных идеологий и картин мира. В социализме и либерализме понятие «общество» стало оружием в политической борьбе, направленным на подчинение государства желаниям и указаниям отдельных групп и партий. В остальном новый словарь развивался в отдельных странах по-разному — в зависимости от их исторических ситуаций, социальных сил и общественных дискуссий, так что «культура» и «общество» до сегодняшнего дня в каждом языке обладают специфическим значением, сформированным национальной историей этих стран. Если с помощью понятия структуры социальным наукам удалось создать некий единый подход к понятию общества, то понятие культуры все еще пестрит национально окрашенными смыслами. Глупо считать, что глубинные трудности взаимопонимания можно преодолеть с помощью общего языка, каким сегодня выступает английский.

Наука не играла особой роли при возникновении этих двух понятий. Конечно, ученые внесли вклад в их изобретение и распространение, но делали они это не в качестве представителей дисциплин, а как образованные люди — вместе с поэтами, философами, художниками и писателями. Аналогичным образом лица, наделенные общественными полномочиями, или граждане, выражающие общественные интересы, использовали возможность задействовать эти понятия в коммуникации с целью поиска новых ориентаций. Это лишь подтверждает тот факт, что данные понятия являлись хотя и достаточно смутными, но востребованными идеями, благодаря чему они стали ключевыми понятиями современных языков и социального словаря.

В каждом обществе социальный словарь доверяется определенным людям, от которых ожидается правильное использование и истолкование ключевых поня-

тий. Так, в Европе ответственными за понятия старого словаря были преимущественно теологи и юристы. Когда новые понятия достигли значимости ключевых понятий, они приобрели общественно-политическое значение, что сразу потребовало прояснения, поскольку были активно задействованы в борьбе за установление определенного общественного порядка. Социальные науки и науки о культуре возникли именно из этих запросов и потребностей как попытка посредством эмпирических исследований найти истину о человеке, обществе, культуре и истории, которую уже невозможно было установить нормативным путем.

Первыми возникли дисциплины, позднее названные науками о культуре и науками о духе, т.е. *humanities* или *sciences humaines*. Вдохновленные человеческой способностью к созиданию культуры, эти науки изучали все культуры в их историческом разнообразии, происхождении и связи. И хотя ими отчасти переоценивалась роль «идей», они посредством настойчивой фиксации постоянно развивали познание и понимание культур как исторических и общественных фактов, охватывая огромные пространства и времена. Не в последнюю очередь зафиксированные ими результаты позже были использованы Георгом Зиммелем, Максом Вебером и другими учеными в их социологических трудах. В основе этого лежало явное согласие с понятием культуры, которого было достаточно для проведения все более точной и полной фиксации культурных фактов, без детальной концептуальной или систематической проработки⁴.

Позднее социальные науки также строились на этих основаниях. Этнология в любом случае возникла как исследование культур. Никто не сомневался в том, что культура есть данная реальность, тогда как «общество», несмотря на постоянное употребление, казалось многим крайне сомнительным и размытым понятием. Еще Макс Вебер отмечал это, когда писал о том, что всеобщность социального основывается «ни на чем ином, как на его неопределенности» (Weber, 1973: 166). Но из этой традиции выделилась социология, исходившая из совсем других предпосылок. Она поставила себе целью стать по образцу естествознания строго генерализирующей наукой, способной разработать законченную «теорию общества». Этот чисто формальный концепт основывался на ряде скрытых посылок относительно онтологической реальности общества. Кратко говоря, речь идет о следующих посылаках: а) фактически общества существуют как единства или системы социального действия; б) они являются случаями и вариациями одного феномена «общество» и потому конституируются его общими свойствами; в) эти общие определения являются решающими детерминантами всех остальных состояний; г) выявление этих общих компонентов позволит создать всеобщую «теорию общества». Именно эти послылки вынуждали определять «общество» посредством общих структурных признаков.

4. Работа Вильгельма Дильтея «Введение в науки о духе» (Dilthey, 1922) стала попыткой систематического понимания культуры без притязания на теорию культуры. Эта книга оказала большое влияние на немецкую социологию, но, помимо прочего, страдала от того, что первостепенное внимание в ней было обращено на науки о культуре, а не на саму культуру.

Ни одна из этих посылок не получила эмпирического подтверждения. Скорее, они стали необходимыми элементами концепта общей «теории общества». Восхищение этой концепцией частично основывалось на — не только интеллектуальной — привлекательности генерализирующей науки, но и в значительной мере на надежде посредством подобной науки добиться «технического» контроля над ходом вещей. Поэтому данная концепция утвердилась в первую очередь в странах, где общественное мнение, политические институты и национальные традиции были малознакомы с результатами наук о культуре, и потому там можно было громко призывать к созданию технической науки об обществе.

Таким образом, культура оказалась забытой социологией, основанной на определенных посылах. Если мы сегодня вновь задаемся вопросом о ее общественном значении, нам нужно заранее отказаться от этих замалчиваемых посылок. Наша натуралистическая аксиома о том, что общества являются четко очерченными и непосредственно наблюдаемыми образованиями, — это лишь результат привычки к понятию, получившему свое сегодняшнее значение в ходе долгой концептуальной проработки и прежде всего общественной популяризации. Долгое время «культура» считалась четким и устойчивым понятием, а общество — размытым и неопределенным. Но этих двух предметов мы не встречаем в нашем собственном опыте. Все, что мы можем наблюдать, — это бесконечные конкретные и индивидуальные действия и их продукты, которые как таковые не являются ни «социальными», ни «культурными». Лишь когда мы отбираем и упорядочиваем явления по определенным аспектам, мы получаем эти понятия, которые не обозначают никаких познаваемых в опыте предметов, а лишь конструируют предполагаемые взаимосвязи. Одно дело — логическое образование понятий, а другое — их фактическое использование. Лишь попадая в обиход, они начинают направлять наше восприятие явлений. Таким образом, социологическое недоверие к понятию культуры связано с его недостаточной проработанностью из-за отсутствия интереса. Мы не сможем выйти из данного положения с помощью поспешных дефиниций и комментариев. Нам нужно вновь осознать те факты, которые должно отражать понятие культуры.

2. Понятие культуры: его корни и структура

Все многообразие значений слова «культура» возникает из одного общего корня, а именно из своеобразия человека как культурного существа. К сожалению, социальные науки предпочли классифицировать человека как «социальное существо», хотя это свойство он разделяет с большинством животных, от которых человек отличается способностью связывать с собственным действием субъективный смысл⁵. Животные просто реагируют на внутренние или внешние раздражители, тогда как человек действует на основании своей уникальной способности (и необ-

5. Это та перспектива, в которой Макс Вебер развивал свою понимающую социологию в ответ на науку об «объективных» социальных фактах. См.: Weber, 1968: 4.

ходимости) противостоять действительности с помощью осмысленного действия. Для человека действительность представляется не скоплением ощущений, а миром объектов со смыслом и значением. Вариативность человеческого действия основана на его способности созидать мир значений, помимо чувственных ощущений. Поэтому наше действие является не специфически видовым, как у животных, а культурно обусловленным. Действительность оставалась бы для нас хаосом чувственных восприятий, если бы мы не умели наделять их смыслом и значением, поэтому факты, с которыми мы имеем дело, всегда уже содержат толкования. На этой необъяснимой способности основывается уникальность человека как культурного существа. Ведь культура — и это основное значение — охватывает все, что возникает в результат человеческого действия и потому обладает значением. Все наши действия и их продукты — как материальная культура, так и социальные, духовные и художественные явления — это явления культуры, поскольку они наделены значениями. И наоборот — все то, что обладает значением, относится к культуре. В отличие от социального поведения животных, человеческие общества, соответственно, также суть явления культуры. Наша социальность осуществляется лишь с помощью смыслов и значений и потому находит выражение в историческом многообразии различных обществ и культур.

С таким широким понятием культуры, исключающим лишь чистую природу, и работала социальная мысль XIX века, как это демонстрирует знаменитое определение, которым Э. Б. Тэйлор открывает свой влиятельный труд «Первобытная культура» (1871). Не он один выступал с предложением создать для каждой культуры инвентаризационную опись всех ее «элементов», что оказалось практически невозможным уже из-за одного только количества подобных «элементов». Более поздние попытки выявить, по крайней мере, характерные «черты», «образцы» и «конфигурации» определенной культуры оказались полезными в лучшем случае применительно к простым обществам. Однако невозможно и бессмысленно делать предметом эмпирического исследования культуру в широком смысле слова, поэтому науки о культуре разделили эту задачу между собой. Таким образом, в своем широком значении это понятие не дает социологии никакого надежного инструмента, однако оно остается необходимой предпосылкой для правильного понимания общественных явлений и не может быть заменено плоской формулой «человек = социальное существо» или вводящим в заблуждение представлением о том, что общества в качестве самостоятельных объектов существуют до или вне культуры. Четкое понимание культуры как результата своеобразия человека как культурного существа защищает от искушения объяснить общественные явления с помощью натуралистических посылок бихевиоризма, биологии, «базовых потребностей», «естественных интересов» или теории приспособления. Поэтому широкое понятие культуры остается необходимой предпосылкой любой осмысленной социологической работы⁶.

6. Все эти подходы упускают из вида тот фундаментальный факт, что общества являются комплексными сетями осмысленных действий. Уже исходя из того что человеческие действия частично

Из базового значения этого понятия вполне логически вытекают различные особые случаи. В первую очередь всякая культура существует лишь в определенном обществе, так что хотя человек в целом и является творцом всякой культуры, однако конкретно он является творением специфической культуры, передаваемой от поколения к поколению. Ведь как культура не может существовать без общества, так и общество не может существовать без культуры. Скорее, с помощью этих двух понятий мы затрагиваем различные аспекты одних и тех же явлений, нежели реально разделенные сферы. Если мы называем определенные феномены «социальными» или «культурными», то этим выражается наш интерес к чертам, которые мы хотим выделить. В принципе, сами явления целостны и могут в одинаковой мере пониматься и классифицироваться нами как с «культурной», так и с «социальной» точки зрения⁷.

Именно потому данные понятия могли взаимно заменять друг друга, а долгое время вообще говорили скорее о «культурах», нежели об «обществах». Это могло приводить к недооценке социальных аспектов действительности, но с другой стороны, внимание обращалось на то, что все общества имеют свою культуру и потому не могут рассматриваться в качестве образцовых представителей человеческого рода. Лишь с исключением понятия культуры смогло утвердиться ошибочное представление о том, что общества являются самодостаточными социальными системами. Уже ради того, чтобы избежать веры в детерминистскую силу социальных моментов, нам необходимо сохранять понятие культуры, напоминающее о культурной обусловленности и исторической уникальности любых социальных явлений. Пока мы можем назвать общества еще и культурами, мы понимаем, что имеем дело с нашими конструктами, а не с самими сущностями действительности. В таком случае «культура» обозначает общество в тотальности его конкретной культуры. Однако насколько сложно охватить все общество в его тотальности — и потому приходится ограничивать понятие определенными социальными явлениями, рассматриваемыми в качестве важных, настолько же сложно постигнуть индивидуальные культуры в их тотальности — и потому приходится это понятие также разделять на его сущностные элементы. Так поступают науки о культуре; так же необходимо поступать и социологии.

Это можно делать с разных точек зрения — в зависимости от постановки вопроса. Некоторое время придерживались различия материальной и нематери-

детерминированы природными факторами, акторы должны делать собственные осмысленные выводы применительно к своим собственным действиям. Это справедливо и для непредвиденных последствий социальных действий, в которые акторы регулярно вовлекаются. Они должны постоянно решать, как им реагировать на эти последствия.

7. Легитимное право — и даже конститутивное условие — любой науки заключается в критической проверке фактов в определенной перспективе, восходящей к ее доминирующему интересу. Но каждая наука должна осознавать границы собственной частной перспективы. Социальная наука должна подробнее изучать социальные аспекты фактов, но не переходить к априорному утверждению о том, что факты можно объяснить через их социальные аспекты. Потому любая социальная наука должна в принципе отдавать себе отчет в значимости культуры.

альной культуры, хотя они неразрывно связаны друг с другом. Но базовая идея, лежащая в основе современного понятия культуры, с самого начала была направлена на установление тех идей, значений и ценностей, которые в качестве основных характерных образцов лежали в основе общественных явлений, поскольку разделялись членами данного общества. В основании современного понятия культуры изначально в качестве само собой разумеющегося находилось представление именно о «репрезентативной культуре», так что это прилагательное вообще было избыточно. Но сегодня, чтобы вновь понять культуру в ее общественном значении, нам нужно использовать это прилагательное. Если остальные науки о культуре могут рассматривать культурные явления с других точек зрения, то социальная наука может заниматься только репрезентативной культурой, т. е. теми элементами, которые обладают непосредственным общественным значением.

3. Репрезентативная культура

Культура является социальным фактом, так как она репрезентативна, т. е. производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает те убеждения, представления, картины мира, идеи и идеологии, которые влияют на социальное действие, так как активно разделяются или пассивно принимаются. Другие науки о культуре могут изучать явления культуры ради них самих, особо не задаваясь вопросом об их общественном значении и влиянии. Но в случае социальных наук речь идет именно об изучении культуры в ее общественном значении и потому — в ее репрезентативных качествах. Ведь социология, за исключением явного натурализма, и так всегда учитывала репрезентативную культуру. Еще Дюркгейм пытался учитывать это с помощью «коллективных представлений» («représentations collectives»), а Парсонс — с помощью конструкта нормативной сферы поверх ролей и позиций. Но уже они оба стремились представить репрезентативную культуру как анонимный продукт общественных отношений и тем самым исключить ее как самостоятельную общественную величину. Чтобы обеспечить «обществу» полную самостоятельность — или, по крайней мере, сплошное доминирование — культура не должна была быть непредсказуемой силой, производящей репрезентативные значения и осуществляющей общественное влияние по собственной логике. Структурная теория также не в последнюю очередь была попыткой приручения культуры, когда социализация сведена к обучению социальным ролям, нормам и ценностям, наряду с некоторыми отклонениями. Даже те немногие стандартные формулы культуры, что иногда еще используются социологами, звучат выхолощено. Те, кто использует культуру лишь в значении «традиции» и трансляции, тем самым лишают ее продуктивности и воображения. Даже формула «совместная культура» только мешает поставить вопрос о том, как эта общность возникла, и то же самое касается «символического кода». Во всех этих формулах культура анонимно висит над обществом как статичный непостижимый туман, о возникновении и собственной силе которого

не спрашивают. Так социальными науками была утрачена старая идея репрезентативной культуры как потенциально творческой и непредсказуемой общественной силы⁸. Поэтому прежде всего необходимо вновь вспомнить об этом представлении и его основополагающих фактах. При этом в первую очередь я буду затрагивать досовременные культуры.

Следует начать с того, что наука о «социальных фактах» остается сомнительной, если забывает о том, что человеческое действие не идентично с видимым поведением и, следовательно, общество не идентично с «объективными социальными фактами», лишёнными значения. Этот вывод «понимающей социологии» ставит вопрос о том, как возникают значения, конституирующие социальное действие. Как постоянно подчеркивает Макс Вебер, всякое социальное действие ориентировано на объекты и ситуации таким образом, как их воспринимают действующие люди. Но при этом даже в простейшем случае речь идет не о безбрежном разнообразии чувственных фактов, но уже всегда об их истолковании. Ведь это истолкование является не капризом спекулятивного разума, а базовым условием любого действия, поскольку это основополагающее состояние человека как культурного существа⁹. Это нуждается в пояснении.

Необходимо освободиться от естественного обыденного представления о том, что действительность дана нам как собрание отдельных фактов, которые мы просто отражаем в познании. Наоборот, действительность для нас — это всегда уже взаимосвязь объектов и ситуаций, незримо сформированная нами через выбор и переработку восприятий в наши представления о действительности, на которые может ориентироваться наше действие. Лишь в виде таких представлений чувственные данные, которые в противном случае оставались бы хаосом бессмысленных впечатлений, имеют значение для действия. Поэтому всякое действие основано на истолковании действительности, которое упорядочивает внутренние и внешние впечатления в систему референций и тем самым придает им значение. В этом плане мы всегда имеем дело с уже проинтерпретированной действительностью. Из практической необходимости действовать вырастает потребность связать между собой внутренние и внешние восприятия, т. е. полностью упорядочить

8. Это произошло в этнологии, когда социальная антропология вытеснила культурную антропологию. За исключением немецкой традиции, и особенно Г. Зиммеля и М. Вебера, социология (как «наука об обществе») никогда не занималась каким-либо пониманием и исследованием культуры. Для такой работы требовались исследователи с европейской традицией, которые отваживались бы на такие исследования, как, например, Питирим Сорокин («Социальная и культурная динамика» и «Общество, культура и личность») и Флориан Знанецкий («Науки о культуре»). Но они остались редкими исключениями, не оказавшими влияния на академическую социологию. Не обладала влиянием и книга Алвина Гоулднера «Enter Plato», хотя и была посвящена Роберту Мергону. Аналогичным образом попытки антропологов использовать понятие культуры, как в «Интерпретации культуры» Клиффорда Гирца, были почти не замечены социологией.

9. Здесь следует отослать читателя к характеристике человека как культурного существа и в целом к богатой литературе по этому вопросу в немецкой антропологической традиции, едва ли известной за рубежом. Хочу лишь зафиксировать, что «действительность» является не собранием фактов, но всегда суммой интерпретаций фактов, как это доказывает развитие детей. Для простоты я использую понятие «интерпретация действительности», хотя оно может вводить в заблуждение.

их. Ведь даже простое обращение с отдельными объектами должно опираться не на моментальные впечатления, а на устойчивые порядки вещей. Поэтому все культуры создают идеи о порядке в природе и обществе, о сущности человека и богов. При этом в интерпретацию действительности должны входить также аффективные, эмоциональные, оценочные и символические отношения действующих лиц к объектам и ситуациям.

По этим причинам люди с древности создавали культуру, выходящую за пределы практических техник существования и служебных институтов. Эта — как ее часто называют — «нематериальная культура» не добавилась как позднейшее приобретение к уже существующей «материальной» культуре; она изначально была такой же элементарной практической необходимостью для человека как действующего существа, как и материальная культура. Мифы, религия, поэзия, музыка, искусство и философия в их простейших формах — это универсальные культурные элементы, соответствующие практическим потребностям, а не только досужим спекуляциям. Вопреки сегодняшнему мнению, что «материальная культура» может существовать сама по себе, удовлетворяя общественные потребности, история доказывает нам, что никакое общество не может существовать без «нематериальной» культуры, или, как стоило бы говорить, без «идей» в языковой и символической форме¹⁰. Не стоит избегать этого выражения, хотя сегодня оно непопулярно и вызывает недоразумения. Пока нет лучшей замены — из-за недостаточной проработки понятия культуры, — именно это выражение указывает на характерную особенность подразумеваемых явлений. Универсальность и роль подобных «идей» настолько несомненны, что социальные науки больше не могут их игнорировать. Они ставят центральный вопрос: почему люди повсюду создали подобные представления, выходящие за рамки практических техник существования и полезных для жизни институтов. Ответ заключается именно в своеобразии человека как зависящего от действия культурного существа, которое может выявить свои практические потребности посредством истолкования действительности.

Отсюда возникает понимание репрезентативной культуры. Эта мысль, изначально лежавшая в основе понятия культуры, соотносится с основополагающими «идеями», которые внутри определенного общества воспринимаются или почитаются как справедливые, истинные и значимые. В прошлом они выражались в мифах, религии, картине мира, морали и подобных формах, сообщавших действующим людям об основополагающих порядках действительности. В этом смысле репрезентативная культура являлась практическим условием действия. Ведь действующие люди зависят от истолкования действительности, которые им предоставляет культура. Какими бы ни были их материальные и нематериальные интересы, с одной стороны, и социальные институты и контроль — с другой, их действия будут обусловлены основополагающей интерпретацией действительности. Ввиду ограниченности жизни и опыта индивиды никогда не смогут сами об-

10. «Идеи» — это традиционный концепт, в целом соотносящийся с символическими репрезентациями смысла и не ограниченный вербализованными учениями.

разовать представление о существующем окружающем порядке действительности, так что в своих действиях они зависят от интерпретации действительности, осуществляемой их культурой. Лишь там, где репрезентативная культура обеспечивает совместную интерпретацию действительности, социальное действие может приобрести силу и устойчивость. Ведь история также показывает, что общества могут существовать длительное время при условии, если они создают репрезентативную культуру.

Все это было хорошо известно ранее, но оказалось отодвинуто в сторону, когда социология возвела «общества» в самостоятельные объекты и потому рассматривала репрезентативные культурные элементы в качестве анонимных продуктов социальных сил и процессов. Не только Дюркгейм и Парсонс не оставляли места идеям, их собственной логике и динамике, элиминировав тем самым характерные особенности культуры, повсеместно наблюдаемые в истории. Укажем лишь на важнейшие моменты.

Прежде всего универсальность репрезентативных «идей», выходящих за рамки практических жизненных целей, указывает на исходное разделение труда в культуре, обнаруживаемое уже в простейших обществах. Люди разных талантов и склонностей всегда зависели от тех, кто мог дать фактам связное истолкование и таким образом придать значение действиям. Тем самым сплошное разделение труда в культуре указывает на социальную роль «интеллектуалов», от которых зависели уже самые простейшие общества. Интеллектуалам повсюду доверялась общественная задача по истолкованию порядков действительности, включая общественный порядок, который может существовать длительное время лишь при наличии общего понимания. Это и было заботой «интеллектуалов», которые могли эффективно претендовать на высшее знание. Таким авторитетом обладали старейшины, мудрецы, обожествляемые цари, маги и жрецы, которые при этом полностью опирались на свою собственную репутацию или на политическую поддержку.

А еще важнее то, что продукты репрезентативной культуры возникают посредством индивидуальных творений, хотя часто — серии малых шагов. Это наблюдается повсюду, где мы имеем письменные свидетельства. Даже простые общества подтверждают значимость индивидуального вклада «интеллектуалов». Нигде такие общества не состоят лишь из структурных отношений, социального взаимодействия и общих ценностей. Они всегда рефлексируют о себе в сложных картинах мира, повествующих о происхождении и порядке в космосе, обществе, культуре и морали, о силах природы и природе человека. Культы и ритуалы связывают живых с мертвыми, символически представляют смысл существования и выражают непостижимые чувства и эмоции. Лишь немногие элементы этой репрезентативной культуры могут быть анонимным продуктом социального взаимодействия, как это становится ясно при ближайшем рассмотрении. Даже общие обычаи и ценности, которые могут возникать таким путем, нигде не существуют сами по себе, но связаны с когнитивными, религиозными, моральными, экспрессивными и эмоци-

ональными идеями репрезентативной культуры, поддерживаемыми лишь интеллектуалами, и сначала должны быть созданы ими. Да и в тех случаях, когда репрезентативные культурные образцы кажутся неизменными в течение длительного времени, невозможно пройти мимо вопроса о том, как они когда-то возникли. Так как речь всегда идет об истолковании действительности, они не могут возникнуть ни посредством имеющихся структур, ни по приказанию. Даже если это играло важную роль, все же они не могут одного: порождать идеи, без которых невозможно истолкование действительности.

Все это имеет крайне важную обратную сторону. Поскольку репрезентативная культура посредством языка или символов выражается в идеях, которые истолковывают всегда многозначные факты, она обладает потенциальной свободой относительно реальных отношений. Поскольку идеи должны добавляться к отношениям, чтобы выявить их смысл и значение, они основываются на силе погружения в интеллектуальное или художественное истолкование фактов, которое может простирается от невидимого вклада до значительных усилий. Поэтому репрезентативная культура, сколь бы упорно она ни сохранялась во многих случаях, в принципе обладает большей неустойчивостью, чем реальные отношения, остающиеся привязанными к твердым данностям. Именно из-за того, что идеи восходят к индивидуальным интеллектуальным достижениям, они в качестве истолкований фактов в любой момент могут быть принципиально поставлены под вопрос посредством новых истолкований. Поэтому сохранение репрезентативной культуры повсюду зависит от непрерывной работы интеллектуалов, которые в качестве культурных авторитетов общества отвечают за его репрезентативные культурные элементы, но при этом могут частично сами переинтерпретировать их, а частично должны считаться с подобными переинтерпретациями, сделанными другими. Даже в культурах, долгое время сохранявшихся неизменными — или, по крайней мере, утверждавших о себе подобное, — в силу замкнутости и жестких условий существования мы все же должны быть готовы к появлению подобных новых истолкований, даже если в данных обстоятельствах они не могли оказывать устойчивого воздействия на реальные жизненные формы. Подобную продолжительность репрезентативная культура достигла в таких замкнутых государствах, как Китай или Египет, где правителям удалось, успешно мотивировав интеллектуалов, постоянно сохранять репрезентативную культуру. В противном случае следует исходить из того, что репрезентативная культура, интерпретирующая действительность посредством идей, несмотря на заботу о сохранении со стороны культурных авторитетов, потенциально остается хрупким образованием, так как идеи по своей природе не могут обладать такой же устойчивостью (и часто мощным воздействием), как практические техники жизни. С другой стороны, ввиду этой меньшей привязанности к реальным жизненным отношениям идеи могут легко заменяться и при определенных обстоятельствах даже преобразовывать сами жизненные отношения.

Наукам о культуре, возникшим в прошлом веке, все это было более или менее известно. Хотя они вряд ли занимались прояснением понятий, ими была основательно изучена роль репрезентативной культуры и культурной интеллигенции в письменных и даже (с помощью археологии и этнологии) дописьменных культурах. Так, Эдуард Мейер в своей знаменитой «Истории древности» (Meyer, 1978: 18) и Макс Вебер в соответствующих работах проследили роль идей и культурной интеллигенции вплоть до древних времен¹¹. Они понимали силу традиции, но так же хорошо представляли себе значение, неустойчивость и динамичность репрезентативной культуры, суть которой Якоб Буркхардт выразил формулой: «Дух — это смутьян» (Burckhardt, 1978: 8)¹². Все это в конечном счете коренится в понимании человека как культурного существа, действие которого обусловлено его представлениями о действительности и потому даже в простом обращении с реальностями зависит от истолкования их порядков, которое в принципе может осуществляться лишь «интеллектуалами» посредством индивидуального вклада. Сюда относятся не только великие и поразительные достижения мысли, остающиеся редкими исключениями. Речь, как правило, скорее идет о незаметных результатах и спонтанных идеях, которые часто посредством формулировки лишь придают силу и направление уже наличествующей готовности. При этом имеются в виду не только — а часто и не столько — схваченные в языке значения, сколько зашифрованные в образах и символах идеи. Но как бы незаметно и незримо ни возникали элементы репрезентативной культуры, это всегда происходит благодаря индивидуальным прозрениям, авторов которых обобщенно, в духе Макса Вебера, называют «интеллектуалами», а учитывая их социальную роль — «культурной интеллигенцией».

В этом смысле понятие культуры в целом напоминает социологии о роли «идей» и «интеллектуалов». Хотя сегодня это замкнутое понятие остро нуждается в концептуальном развитии, которое постоянно получало понятие общества, оно все еще обладает достаточно четким и важным базовым значением, если понимается согласно исходной интенции, т. е. как репрезентативная культура. Само собой разумеется, остается эмпирический вопрос: в какой мере определенное общество развило репрезентативную культуру? Как и эмпирический вопрос: в какой мере социальные явления образуют «общество» в социологическом смысле? С этой точки зрения в обоих случаях — и это касается всех характерных понятий социального знания — речь идет об идеально-типических понятиях. Во всяком случае, понятие репрезентативной культуры предохраняет социологию от ошибочного взгляда на культуру как статичную анонимную систему, дедуцируемую из общественных данностей. Оно сохраняет в обороте эмпирические данные наук о культуре, кото-

11. См. мою статью: Tenbruck, 1985: 150ff.; английская версия: Tenbruck, 1987: 234ff.

12. Для адекватной оценки этого изречения Буркхардта ср. его с общими замечаниями о культуре: «[Культура] непрерывно оказывает модифицирующее и разрушительное воздействие на эти оба стабильных жизненных учреждения — за исключением случаев, когда они становятся полностью полезными для нее и ограничиваются ее целями» (Burckhardt, 1978: 57).

рые показывают принадлежность к культуре динамики и борьбы идей, открывая тем самым для социологии путь к ее собственному изучению культуры, где предстоит решить следующие задачи: а) выявление репрезентативных элементов культуры, б) идентификацию их создателей и хранителей, в) обнаружение средств и путей их распространения и г) оценку их влияния на социальное действие.

Таким образом, социология может и должна исходить из концепта репрезентативной культуры как наследуемого набора основополагающих толкований действительности, которые разделяются или почитаются всеми, но не имеет права на этом останавливаться. Ведь этот набор не вырастает сам по себе из социальной жизни, не передается автоматически вместе с ней как явное благо и также не является анонимным продуктом символического кода или системы. Скорее, он возникает благодаря незаметно создаваемым интеллектуалами «идеям», которым удается прочно утвердиться. Возникнув как определенные толкования мира, они также могут незаметно изменяться или революционизироваться посредством новых идей. Говоря схематически, это может быть делом уже существующих культурных авторитетов, а может происходить из-за того, что успешно утверждаются новые идеи, выдвинутые другими. Репрезентативные элементы культуры образуются именно тогда, когда какие-либо «идеи» (в самом широком смысле этого понятия) находят отклик и приверженцев, и до тех пор пока не получают общего признания. В случае репрезентативной культуры речь идет именно о значимых общественных процессах. «Идеи» значимы для социальных наук как основания для возникновения новых образцов поведения и даже для образования групп последователей и общин сторонников. Поэтому репрезентативная культура не является статичным, постоянно всеми разделяемым или просто социально дифференцированным общим достоянием, в остальном — структурированным в самом себе, которое достаточно лишь передавать следующим поколениям. Напротив, она подвержена постоянным угрозам со стороны новых идей, которые, в случае широкого распространения, сами становятся репрезентативной культурой.

Таким образом, понятие репрезентативной культуры предохраняет социальные науки от ошибочного взгляда на «общества» как на «объективные социальные факты», так как напоминает, что всякое действие основано на представлении и истолковании фактов. Оно проясняет, что любые интересы формируются не из всегда запутанных фактов, а из их толкований, поэтому политические партии также в первую очередь должны внушать избирателям, что является их интересами. Это понятие предохраняет от ошибочного мнения, что «идеи» возникают анонимно и принудительно из социальных взаимодействий и отношений. Оно защищает от веры в то, что общественная действительность сводима к социальным регулярностям, и от заблуждения, что социология может стать технической наукой...

Это было необходимо сказать для понимания понятия культуры и его значения для социальных наук.

4. Парсонс и Вебер: к истории понятия культуры в социальных науках

Такое понятие культуры было привычным в XIX веке, его продуктивность известна благодаря успешной работе исторических наук о культуре, в которых, впрочем, мало заботились о понятийном прояснении собственного концепта. Тем более бросается в глаза, что в развитии социальных наук в разных странах культура играла разные роли. Следует помнить, что «культура» и «общество» возникли как ключевые понятия нового социального словаря и потому в разных исторических и общественных контекстах находили разную поддержку, что, в свою очередь, отразилось в положении и развитости обеих групп дисциплин. В одних национальных и академических традициях социология развивалась на фундаменте признанных наук с уже устоявшимся фондом эмпирических знаний, а в других она начинала как размытая программа еще только создаваемой дисциплины.

Этими причинами объясняется то, что американская социология строилась не на богатом эмпирическом материале наук о культуре. Это касается даже Парсонса, который заимствовал понятие культуры не у наук о культуре. Его понимание культуры еще более интересно тем, что он, отказываясь от всякого бихевиоризма, вполне придерживался идеи существования культуры и прямо определял себя «скорее как культурного, чем социального детерминиста» (Parsons, 1966: 113). Правда, он хотел быть «детерминистом», поскольку верил в «социальную систему», и потому сводил культуру к социальному механизму производства ценностей. Вырванные из целостности культуры нормы и ценности стали надежными строительными блоками для социальной системы, в которой уже не нашлось места культуре как самостоятельной продуктивной силе.

Такое прирученное понятие культуры Парсонс перенял не у наук о культуре, а у культурной антропологии, обладавшей в то время в США большим влиянием и доверием, чем еще не воспринимавшаяся всерьез социология. Адаптированный к исследованиям примитивных обществ, которые якобы передавали прочную систему значений, этот концепт был таким же аисторичным, как и понятие культуры у Парсонса. Довольствовались существованием «культурных паттернов», не задаваясь вопросом об их происхождении. В результате «culture patterns» превратились в анонимный продукт социального взаимодействия. Да и самого Парсонса интересовало функционирование, а не возникновение «социальной системы», существование которой являлось для него само собой разумеющимся. «Крестными отцами» при этом выступили влиятельные в то время культурные антропологи, среди которых были Рут Бенедикт и Маргарет Мид, объявившие «patterns of culture» системами ценностей. В 1952 году ведущие культурные антропологи А. Л. Кребер и К. Клакхон начали свою книгу о культуре с утверждения: «Идея культуры в техническом антропологическом смысле является одним из ключевых понятий современной американской мысли» (Kroeber, Kluckhohn, 1952: 3). Клакхон входил в группу ученых, дискуссии которых привели в 1952 году к изданию в Гарварде книги «К общей теории действия», для которой он сам подготовил главу «Ценности

и ценностные ориентации в теории действия». Именно оттуда Парсонс позаимствовал для своей работы «Социальная система» (1951) аисторический и статичный концепт культуры, разработанный для примитивных обществ. Огромному успеху этой книги способствовал семинар в Гарварде, в рамках которого группа уважаемых ученых (некоторые из них вели крупные исследования проблем национального уровня) публично подтвердила то, что до того вряд ли всерьез воспринимавшаяся социология теперь стала зрелой наукой, способной обеспечить мировую державу техническими инструментами для глобального планирования общественного развития. Лишь коллективное поручительство социальных наук позволило тогда социологии в США приобрести — достаточно поздно и неожиданно — публичное признание и вес как ключевой науки, которую нужно было немедленно экспортировать по всему миру. Будущие историки науки еще выяснят, насколько сильно это развитие американской социологии зависело от внутреннего и внешнего политического положения мировой державы. Цепь случаев, обстоятельств и ситуаций привели к тому, что социология пожертвовала остатками своего понимания культуры в пользу концепта общей науки об обществе¹³.

Парсонс строил свою социологию согласно предшествующему концепту, который в качестве самоочевидного одновременно предполагал как объективную предсказуемость общества, так и техническую применимость социологии, не учитывая при этом культуры. Однако и так всегда было ясно, насколько глубоко работа социологии определяется соответствующими предпосылками и, следовательно, базовыми знаниями о «культуре» и «обществе», из которых она исходит. Не случайно социологи, знакомые с историческими разработками наук о культуре, учитывали культуру и потому не стремились к технически применимой социологии и даже по возможности избегали понятия «общество», поскольку оно загоняет конкретную действительность в ловушку родового объекта. Макс Вебер крайне реалистически учитывал условия, нужды и интересы действующего человека и знал, что из социального действия могут анонимно возникать новые социальные процессы и установки. Но он никогда не терял из виду роль «идей» и «интеллектуалов», так как был хорошо знаком с достижениями наук о культуре. Его крупные работы по социологии религии начинаются с оценки революционного значения новых идей, которые создали Лютер и Кальвин. Когда Луйо Brentano назвал эти «идеи» простым аккомпанементом к реальным жизненным отношениям, Вебер ответил ему столь же кратко, сколь и поучительно: «Тем более удивительно, что отдельные исследователи верят, что такое новаторство может проходить бесследно для человеческого действия. Я признаю, что не могу понять этого» (Weber, 1972: 72). При ближайшем рассмотрении веберовская социология политики, несмотря на изучение реальных отношений, также питается вопросом о том, какими «идеями» и какими «интеллектуалами» интерпретируются эти отношения, т. е. какие «картины мира» здесь задействованы.

13. Один из редких комментариев по поводу влияния политических условий на трансформацию американской социологии см.: Casanova, 1979.

У Парсонса не было чувствительности ко всему этому. Его очень обстоятельное изучение сочинений Вебера завершилось, как теперь известно, рядом заблуждений, вытекающих не из случайных ошибок, а из предшествующих базовых посылок, с которыми он приступил к работе. Не зная реальных достижений наук о культуре, он начал с концепта, в котором общество понималось как система, с целью разработки социологии как технической науки по управлению обществом. Тем не менее Парсонсу можно лишь условно поставить в вину эти ложные толкования, поскольку, как было показано, он позаимствовал свои послышки из запасов американских социальных наук. В сущности, его концепт науки лишь развил распространенные там убеждения; свое понятие культуры он заимствовал у американской этнологии. Заблуждения Парсонса совпадали с традициями и глубинными предпосылками американских социальных наук и потому не были обнаружены ими в течение десятилетий.

Эти случаи показывают, что работа социологии глубоко обусловлена не просто соответствующими фактами и аргументами, но имеющимися базовыми послышками относительно «общества» и «культуры». Понимание культуры как важного социального факта было утеряно социологией по мере ее превращения в самостоятельную науку, в итоге она перестала учитывать результаты исторических наук о культуре. Необходимое концептуальное уточнение социологического понятия культуры как репрезентативной культуры без обращения к историческим данным наук о культуре остается голой терминологией.

5. Современная культура: новый тип

Применимость понятия репрезентативной культуры к досовременным обществам убедительно доказана в работах наук о культуре и этнологии, однако оно кажется неприменимым к современному обществу, секулярный плюрализм которого отвергает любой культурный авторитет.

Однако здесь следует учесть, что «культурный авторитет» — это категория наблюдателя, но не обязательно действующего человека. Довольно часто такой авторитет основан на субъективной убежденности акторов в том, что они, с одной стороны, распространяют объективную истину, а с другой — воспринимают ее так, что хотя авторитет и присутствует, но его не замечают. Поэтому субъективное мнение о неподверженности авторитетам не обязательно исключает их существования и сегодня.

Нет сомнений в том, что современная культура возникла посредством радикальных трансформаций, когда в XVIII веке началось свержение прошлых авторитетов. В качестве принципиально секулярной культуры она больше не знает последней инстанции интеллектуального авторитета, оставляя право принятия окончательных решений науке, когда речь идет о фактах, и индивидуальной совести или усмотрению, когда дело касается морали и религии. Современная культура является совершенно новым типом культуры. Она освободилась от религиозных и

политических авторитетов и в условиях этой автономии наращивает продуктивность и динамику, предлагая все новые истолкования действительности, хотя в основном в определенных ее сферах и областях. Растущее число «интеллектуалов» свидетельствует о том, что все новые области действительности тем или иным образом получают культурное толкование и потому постоянно зависят от культурной работы. Познанная действительность получает все новые предложения по интерпретации и производит все новые потребности в ней. При этом динамика встроена в автономную культуру, поскольку все ее продукты опять-таки становятся предметом новых толкований, так что изменение стало ее законом. Одновременно она увеличивает разнообразие, частично — посредством собственной дифференциации и специализации, частично — благодаря разнообразию конкурирующих предложений, которые оставляют свободу выбора публике и даже производят множество особых публик. Все это еще более усиливается современными массмедиа, предоставляющими каждому возможность свободного выбора из неограниченного, а часто даже принудительного предложения. При этом множественность мнений и убеждений соединяется с множественностью стилей жизни и поведения в сплошной плюрализм, исключая любую мысль о репрезентативной культуре.

При этом нельзя упускать из виду, что речь идет о новом типе культуры, пробившем себе дорогу в XVIII веке, что хорошо описано в исследованиях по истории духа. Каким бы продолжительным ни было при этом влияние идей Просвещения и Французской революции, социология должна и дальше задумываться о законах устройства современной культуры, не ограничиваясь генезисом «буржуазного общества», которое, как считается, не создало своей собственной «буржуазной культуры», а само возникло лишь благодаря и одновременно с буржуазной культурой. Как я показал в другой работе, в основе буржуазного общества лежит культурное обобществление (*Vergesellschaftung*), т. е. свободное согласие людей не только относительно практических проблем, но и относительно основополагающего понимания совместной жизни¹⁴. Заметно, как идеи приобретают новую актуальность в процессе культурного обобществления, поскольку теперь они стали условием для свободного согласия и обобществления. На этом основывается новое для общества значение автономной культуры, приводящее именно к тому — ограничимся здесь только этим, — что теперь толкование действительности предоставлено свободной игре «предложения» со стороны «интеллектуалов» и «спроса» со стороны публики, при сохранении некоего особого положения у «фактических наук». Отсюда возник тот плюрализм, что, как кажется, уже не обладает никакой репрезентативной культурой. Но и это лишь видимость. Автономная, секулярная, современная культура породила свой собственный тип репрезентативности и, подобно досовременным культурам, только с большим трудом может обнаруживать свои культурные авторитеты.

14. См. мою книгу: Tenbruck, 1989, особенно введение и главу 4. Краткий анализ представлен в статье: Tenbruck, 1986: 263ff.

Термин «плюрализм» уже вышел на передний план, поскольку пытается придать значение неоспоримым фактам. В частности, он внушает нам, что наблюдаемое множество мнений и убеждений подтверждает самостоятельность индивидуальных воззрений и тем самым отсутствие любых культурных авторитетов и репрезентативной культуры. Здесь сокрыта принципиальная посылка о нормальности плюрализма, когда-то с трудом подавлявшегося посредством социального принуждения. Как «естественное» состояние плюрализм не нуждается в дальнейшем объяснении, ведь он сразу проявляется при устранении принуждения.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот плюрализм означает не столько изначальную диспозицию акторов, сколько их постоянное столкновение с множественностью интерпретаций действительности, простирающихся от новостей о фактах до истолкования мира и жизни. Это не объясняется ни анонимными социальными процессами, ни естественными интересами социальных групп. Как показывает вся история, плюрализм наступает не тогда, когда изменяются социальные условия, а лишь когда хлынут «идеи». При всем отдельном недовольстве принципиальные различия возникают лишь тогда, когда их выражают «интеллектуалы», и потому сначала они охватывают соответствующие образованные слои и их публику. Так объясняется знаменитая «буржуазность» рабочих или консервативный традиционализм низших слоев в целом. Требования свобод в эпоху Просвещения тоже не были анонимным результатом реальных ситуаций и интересов; сначала они должны были быть сформулированы, легитимированы и распространены «интеллектуалами». Они стали возможными лишь благодаря тому, что истолкование реального положения выходит далеко за рамки представительства конкретных интересов. Даже одновременная ликвидация социального принуждения набирала силу лишь после провозглашения интеллектуалами идей индивидуальной свободы и нового общества. Без их «идей» конкретные ситуации и интересы никогда не породили бы образ новой общности людей, возникающей на основе свободного согласия акторов. Эти новые идеи свободы сразу же требовали дальнейших инструкций о возможностях и правильности использования свободы, т. е. опять же работы «интеллектуалов».

На протяжении всей истории мы постоянно видим, насколько анонимные подходы и готовность к новому поведению остаются ограниченными и недолговечными, пока не будут преобразованы «интеллектуалами» в «идеи». Как в большом, так и в малом плюрализм мнений, убеждений и стилей жизни формируется лишь в той мере, в какой существует множественная интерпретация действительности. Именно сегодняшний плюрализм был бы невозможен без особой автономии, продуктивности и динамики современной культуры, непрерывно изобретающей, выявляющей, предлагающей и пропагандирующей новые интерпретации и возможности жизни. Таким образом, этот плюрализм есть прежде всего результат постоянного роста производства и распространения «идей», который при ограничении этого предложения сократился бы до обычных объемов. Как специфическое явление современного общества он является специфическим продуктом

современной культуры, подтверждая то, насколько, с одной стороны, интеллектуалы влияют на интерпретацию действительности акторами (и тем самым на их действия), а с другой стороны, насколько акторы зависят от интерпретации действительности со стороны интеллектуалов. Короче говоря, сегодняшний плюрализм не является, как обычно принято считать, результатом естественного многообразия индивидуальных способов поведения, ранее подавляемого посредством социального принуждения и навязанных догм, как и просто результатом социальной дифференциации. Скорее, он возник вместе с длительной работой современной индустрии образования и культуры, с увеличением числа профессиональной культурной интеллигенции и ее постоянным присутствием в массмедиа, а также посредством постоянной «идейной работы» политических партий и иных групп. Он еще больше усилился в процессе международного взаимодействия. Он должен постоянно поддерживаться посредством работы интеллектуалов, предлагающих толкования и варианты существования для разных областей жизни¹⁵. Таким образом, сам плюрализм — это опосредованное явление, в котором находит свое подтверждение зависимость социального действия от истолкования действительности со стороны «интеллектуалов», этих мастеров слова, образа и звука.

Понимание этого открывает глаза на то, что этот плюрализм не является просто фактом, а сам содержит в себе идеологию, наделенную собственным принуждением. Поскольку он в целом считается доказательством реализации индивидуальной свободы, он стал легитимным принципом современного общества и тем самым всеобщим императивом. От каждого человека, помимо принципиального признания плюрализма, ожидается активное участие в его практиках, проявляющееся в поддержке новых истолкований и возможностей существования. При этом новые мнения, убеждения и стили жизни требуют для себя не только права на существование, но и публичного признания собственной ценности.

В любом случае для отстаивания своей собственной позиции каждый должен обратиться к каким-либо образцам и предложениям, которые посредством работы культуры попадают в публичное пространство. Поэтому множество предлагаемых, возможных и используемых мнений, убеждений и стилей жизни кажется безграничным, но по факту обставлено табу и санкциями, на которых заканчивается плюрализм. Как всегда и везде, в плюрализме также есть вещи, которые просто не называются вслух, не делаются и вряд ли мыслятся, поскольку затрагивают идеи, которые эпоха охраняет как свою святую веру. Сюда же относится обязательный культ массовой и партийной демократии, в чьих полупустых лозунгах свободы и прав человека не разрешается сомневаться, как и в исторических образах прошлого и будущего, которые он диктует. Даже сегодня памятники и мемориалы, то, как их сносят или возводят, прямо указывают нам, какие идеи времени священны и где каждый современник во избежание общественного порицания должен, по крайней мере, молчать, преклоняться и выражать почтение, если не клясться, и

15. См. мою книгу: Tenbruck, 1989: гл. 2.

чаще всего — добровольно. Однако в таком публичном поведении воплощаются не исходные убеждения и опыт, а идеи, навязанные людям как значимые и высокие толкования существования и потому обставленные нерушимыми табу. Каким бы запутанным ни был современный плюрализм, он свидетельствует именно о силе и распространенности идей, повсеместно поддерживающих его. При ближайшем рассмотрении этот плюрализм также демонстрирует нормативные черты репрезентативной культуры, которые порождают обязательные интерпретации действительности. Форма и содержание изменились в эпоху модерна. Репрезентативные представления культуры производятся не определенными авторами, а чаще всего в полупрозрачной сети культурной работы, как бы анонимно, но они редко становятся жесткими догмами и учениями, вполне допускают варианты, являясь при этом обязательными. Культурные авторитеты нелегко распознаются в эпоху массмедиа и социальной мобилизации. Тем не менее и современное общество порождает собственный тип репрезентативной культуры, основанный на работе интеллектуалов, поэтому для анализа современного общества социология и сегодня нуждается в идее репрезентативной культуры.

6. Культура и повседневная культура

В течение продолжительного времени разные научные направления стремятся заняться «повседневной культурой», что встречает все большее одобрение. Эта реакция на объективистскую социологию, редуцирующую общественную действительность к искусственным конструктам, усложненным абстракциям и агрегированным данным, не принимающую во внимание проживаемую и переживаемую социальную действительность, понятна и оправдана. Столь же полезным оказался концепт «жизненного мира», который вновь представляет нам действующего человека, а не просто исполнителя ролей, и тем самым напоминает о человеке как культурном существе.

Тем не менее невозможно не заметить границ использования этих новых концептов, плохо подходящих для понимания институтов. Укажем здесь лишь на то, что «повседневная культура» — если останемся на ее уровне — вновь повторяет ошибки социального детерминизма, упуская из виду роль «интеллектуалов». Как у Парсонса структура взаимодействия производит совместные ценности, так и повседневная культура должна порождать новые формы жизни и ее понимание. Не обязательно полностью отрицать эти анонимные процессы, чтобы утверждать, что они приобретают силу лишь там, где происходит культурная работа. Жизненный мир и повседневная культура не конституируются свободно в наших социальных отношениях. То, что мы переживаем как наш жизненный мир, уже пронизано репрезентативными интерпретациями действительности, задающими рамку для наших целей и потребностей, понятий и образов, мнений и убеждений. Жизненный мир исходно основан на репрезентативной культуре. Из реальных жизненных отношений медленно и анонимно могут вырастать новые потребности и ориен-

тации. Но такие коллективные диспозиции приобретают силу, направленность и устойчивость лишь тогда, когда они эксплицитно артикулированы, т. е. выражены «интеллектуалами» в слове, образе или звуке. Часто новые потребности и ориентации исходно пропагандируются интеллектуалами и лишь кажутся анонимными продуктами социальной интеракции. Новым концептам угрожает опасность по-своему повторить прежние послышки социологии, будто изменение ценностей и аналогичные процессы возникают из среднестатистической реакции акторов на их жизненные ситуации и из их социального обмена. Напротив, всегда видно, что заметные и действенные трансформации восходят к движениям, успешно воплощающим в жизнь новые обобществления во имя каких-либо «идей». Мы упускаем из виду, что новые формы жизни, ориентации и ценности в большинстве случаев порождаются социальными группами, образовавшимися на основе идей, произведенных репрезентативной культурой или пропагандируемых вопреки ей другими «интеллектуалами». При наличии поддержки они сами становятся репрезентативной культурой. Контркультуры протестных, коммунитарных и маргинальных движений в 1960-е годы дали жизнь сплетениям групп и объединений, образовавшихся во имя новых идей, созданных и распространяемых интеллектуалами. Аналогичная ситуация и с альтернативными и постмодернистскими движениями, последовавшими за ними. Повсюду реальные ситуации и латентные тенденции не создают сами по себе новые формы жизни, ориентации и ценности. Скорее, те утверждаются сначала в новых группах и движениях, представляющих новые обобществления во имя новых идей.

Всем этим подтверждается созидательная сторона культуры и особенно ее модерновая динамика. Все новые социальные изменения и движения возникают из-за того, что индивиды вне до сих пор действующей репрезентативной культуры создают, распространяют и перенимают новые идеи. Однако часто эти новшества являются лишь прямыми или косвенными следствиями интерпретаций действительности, ранее произведенных репрезентативной культурой. В любом случае протестные движения в значительной степени лишь сделали выводы из политического просвещения, донесенного до этого поколения системой воспитания и распространенного через массмедиа. Здесь опять проявляется то, что без понимания культуры мы постоянно недооцениваем последствия, которые все еще влечет за собой политика в области культуры и образования как производитель интерпретаций ситуаций и жизни. Так что в этом смысле представление об анонимном, коллективном и неизбежном процессе ценностной трансформации является концептом, исходно освобождающим политику от всякой ответственности.

Это расплата за то, что социальная наука придерживается представления о том, что социальные факты должны объясняться социальными фактами. Если культуру отодвигают в сторону, то уже невозможно понять, какую роль «интеллектуалы» и «идеи» играют при возникновении социальных движений, ценностей и трансформаций. Поэтому нужно различать то, что действительно возникает в результате коллективного взаимодействия, а что возникает лишь благодаря культурной

работе интеллектуалов и идей. Вместо простого наблюдения за взаимодействием и коллективными феноменами нам нужно искать их причины в динамическом конституировании и реконституировании репрезентативной культуры, выявлять источники и пути распространения ключевых идей. Однако концепты жизненного мира и повседневной культуры служат, скорее, старой вере в то, что мнения, убеждения, ценности и стили жизни возникают из анонимного социального взаимодействия. Таким образом, эти понятия не представляют собой достойной альтернативы социологическому пониманию культуры, которое не может обойтись без идеи репрезентативной культуры.

7. Значение понятия культуры для социологии

«Культура» и «общество» были новыми понятиями, с помощью которых Модерн попытался дать реалистическое описание совместной жизни людей и, следовательно, разработать соответствующие эмпирические науки; при этом долгое время отсутствовало строгое разделение «сфер» ответственности наук. Ведь социальные науки долго определяли себя как науки о культуре и использовали соответствующие достижения этих дисциплин. При этом они получали выгоду от двух главных преимуществ понятия культуры: 1) объяснение специфики человеческого, т. е. социального действия и человеческого понимания действительности, и 2) концентрация внимания на специфике и значении (репрезентативной) культуры как общественного явления.

Социальные науки по многим причинам утратили такое понятие культуры. С одной стороны, получила развитие натуралистическая концепция социологии, овеществившая «общество» как собственную «вещь» и стремившаяся создать завершенную «теорию» о ней. При этом понятие общества получило концептуальную проработку, тогда как понятие культуры осталось в своем сыром состоянии многозначности и без знакомства с наработками наук о культуре превратилось в пустую оболочку. Наряду с этим изменилась агрегация современной культуры, в результате чего концепт (репрезентативной) культуры выглядит как досовременная особенность «примитивных» обществ и ранних «высоких культур». Наконец, процессы глобализации стимулируют «мультикультурные» ситуации, ставящие под сомнение как видимую идентификацию отдельных культур, так и наблюдаемый в них самих «плюрализм».

В таком положении охотно отказались бы от понятия культуры, если бы ему существовала достойная замена. Но, как показывает бледность и ограниченность таких вариантов, как «символический код», «ментальность» или «повседневность», ее нет. Но также ясно, что социологическая теория лишь фиксирует феномены «глобализации» и «плюрализма», но не может разрабатывать их в смысле предсказуемого развития. Так что именно эти факты доводят мечту о завершенной «теории общества» до абсурда и тем самым неохотно подтверждают общественную значимость культуры. Именно здесь лежат причины нового интереса социальных

наук к «культуре», как и общественного интереса и политической воодушевленности ею. Чисто общественное истолкование и управление этими реальными ситуациями уже изжило себя как практически, так и теоретически. Однако с помощью реабилитации неопределенного понятия культуры столь же невозможно ответить на эти общественные запросы и политические ожидания, как и сохранить социологию как структурно-функциональную теорию.

Задача же эмпирической социальной науки состоит скорее в том, чтобы подвергнуть понятие культуры долго отсутствовавшей и именно потому необходимой концептуальной проработке ради использования его в содержательных эмпирических исследованиях. Речь идет в особенности о том, чтобы задать контуры понятию репрезентативной культуры, т. е. социологически и понятийно «разбавить» не совсем удачные понятия «идеи» и «интеллектуалы», что доставляло трудности уже Максус Веберу, так как эти термины сужали репрезентативную культуру до активности «образованных» риториков и толкователей внутри особой письменной элиты. Однако центральное значение социологического понятия культуры заключается в том, чтобы оживить фактическую силу различных «символических» содержаний и обобществлений. Если социология вновь обращается к культуре, то она не может редуцировать ее ни к повседневности субъективно переживаемой действительности, ни к истории идей или духа. Ей стоит держаться базовой идеи, придающей понятию культуры собственно социологическое значение: все реальные общественные ситуации «открыты», т. е. могут и должны «истолковываться».

Ограничимся этими общими рассуждениями, добавив еще одно замечание. Иная «теория общества» нацелена на окончательное объяснение и предсказание «общественных» процессов и потому ориентирована на «техническую» науку. Это неизбежная судьба любой социологии, не оставляющей места понятию культуры и потому сводящей общество к калькулируемой «системе». Напротив, социология, обращаясь к культуре как к общественному факту, учитывает недетерминированность «структур» и потому, как это можно найти у Макса Вебера, вместо того чтобы становиться технической дисциплиной для принимающих решения, она выделяет в качестве задачи социологии самоосмысление относительно культурного значения желаемого. Именно поэтому «культура» остается главным вопросом для самопонимания социологии и ее общественного воздействия.

Литература

- Burckhardt J.* (1978). *Weltgeschichtliche Betrachtungen*. Stuttgart: Kröner.
- Casanova J.* (1979). *Legitimacy and the sociology of modernization // Conflict and control: challenge to legitimacy of modern governments / Ed. A. J. Vidich and R. M. Glassman*. London: SAGE. P. 219–252.
- Dilthey W.* (1922). *Einleitung in die Geisteswissenschaften*. Leipzig: Teubner.
- Kroeber A. L., Kluckhohn C.* (1952). *Culture: a critical review of concepts and definitions*. N. Y.: Vintage Books.

- Meyer E.* (1978). *Geschichte des Altertums*. Bd. 1. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Parsons T.* (1966). *Societies: evolutionary and comparative perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Tenbruck F.* (1985). Max Weber e Eduard Meyer // *Comunità*. № 39. P. 150–197.
- Tenbruck F.* (1986). Bürgerliche Kultur // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Sonderheft 27. S. 263–285.
- Tenbruck F.* (1987). Max Weber and Eduard Meyer // *Max Weber and his contemporaries* / Ed. W. J. Mommsen and J. Osterhammel. London: Allen and Unwin. P. 234–267.
- Tenbruck F.* (1989). *Die kulturellen Grundlagen der Gesellschaft: der Fall der Moderne*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Weber M.* (1973). *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: Mohr.
- Weber M.* (1968). *Economy and society*. N. Y.: Bedminister Press.
- Weber M.* (1972). *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Bd. 1. Tübingen: Mohr.
- Williams R.* (1962). *Culture and society: 1780–1950*. Harmondsworth: Penguin Books.

Representative Culture

Friedrich Tenbruck

Andrei Kamarouski
(translator)

Junior Research Fellow, Institute of Sociology of NAS of Belarus
1 Surganov Str., Build. 2, Minsk, Republic of Belarus 220072
E-mail: kamardudar@gmail.com

This paper uncovers the problem of the sociological understanding of culture and the concept of representative culture by German sociologist Frederick Tenbruck. The paper focuses on the conceptual underdevelopment of the concept of “culture” in sociology as compared with the concept of “structure”, or “society”, which is the central concept of structural functionalism. Turning to intellectual history, Tenbruck traces the trajectory of these concepts, defining the various functions in the social dictionary of the 19th–20th centuries. The dictionary also fixes notions of culture as developed in the approaches of Max Weber and Talcott Parsons, demonstrating the use of the reduced concept of culture in Parsons’ sociology as a universal normative sphere. The paper justifies the role of representative culture in the structuring and innovation (openness) of actual socio-cultural processes, achieved by the relative autonomy of culture (contents). The paper develops the thesis that an adequate study of the sociology of culture requires a return to the notion of ‘representative culture’ that had been lost during the process of segmentation of this discipline, as well as the segmentation of the history of culture. Cultural sociology is presented as a self-reflexive, meta-paradigmatic approach to the analysis of the institution of (social) science and its critical and constructive role in modern society.

Keywords: Weber, Parsons, intellectuals, interpretation, structure, representative culture, values, pluralism

References

- Burckhardt J. (1978) *Weltgeschichtliche Betrachtungen*, Stuttgart: Kroner.
- Casanova J. (1979) Legitimacy and the Sociology of Modernization. *Conflict and Control: Challenge to Legitimacy of Modern Governments* (eds. A.J. Vidich, R.M. Glassman), London: SAGE, pp. 219–252.
- Dilthey W. (1922) *Einleitung in die Geisteswissenschaften*, Leipzig: Teubner.
- Kroeber A.L., Kluckhohn C. (1952) *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*, New York: Vintage Books.
- Meyer E. (1978) *Geschichte des Altertums, Bd. 1*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Parsons T. (1966) *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Tenbruck F. (1985) Max Weber e Eduard Meyer. *Comunita*, no 39, pp. 150–197.

- Tenbruck F. (1986) Bürgerliche Kultur. *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, Sonderheft 27, pp. 263–285.
- Tenbruck F. (1987) Max Weber and Eduard Meyer. *Max Weber and His Contemporaries* (eds. W.J. Mommsen, J. Osterhammel), London: Allen and Unwin, pp. 234–267.
- Tenbruck F. (1989) *Die kulturellen Grundlagen der Gesellschaft: der Fall der Moderne*, Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Weber M. (1973) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen: Mohr.
- Weber M. (1968) *Economy and Society*, New York: Bedminister Press.
- Weber M. (1972) *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, Bd. 1*, Tübingen: Mohr.
- Williams R. (1962) *Culture and Society: 1780–1950*, Harmondsworth: Penguin Books.